

**ИММАНУИЛ КАНТ
И ВОПРОСЫ
КОММУНИКАТИВНОГО
КОНСТРУКТИВИЗМА¹**

Б. Анджеевский*

Предмет статьи – отношения между субъектом и объектом в теории познания. Обращается внимание на роль социальной коммуникации в конструировании реального мира. Тезис состоит в том, что языковая коммуникация в этом процессе играет активную роль. И следовательно, она оказывает влияние на человеческое познание и на все бытие человека в целом. В обсуждении этого влияния мы будем придерживаться методологии, которая была символически обозначена Иммануилом Кантом как «коперниканский переворот». Одним из первых, кто применил и развил этот метод в теории и философии языка, был Вильгельм фон Гумбольдт. Он полагал, что корни языка априорны и что язык – это не «Ergon», а скорее «Energeia». Активистская теория языка (социальной коммуникации) нашла свое продолжение в XX столетии в символической концепции языка – речь идет, конечно же, о изложенной Эрнстом Кассирером системе «символических форм». Коммуникативные структуры в ней рассматриваются как не зависящие от фактов действительности самих по себе, поскольку они принимают участие в конструировании этих самых объективных фактов. В заключительной части статьи рассматриваются некоторые американские теории языка и коммуникации, а именно языковой релятивизм (Эдвард Сепир, Бенджамин Л. Уорф) и генеративная грамматика (Ноам Хомский). Обе они предполагают активную функцию языка.

Ключевые слова: Иммануил Кант, коперниканский переворот, Вильгельм фон Гумбольдт, Эрнст Кассирер, Эдвард Сепир, Бенджамин Л. Уорф, Ноам Хомский, коммуникативный конструктивизм.

1. Предисловие

XVIII век часто называют «веком философии». В Германии это означает еще и век разума. Этой характеристикой немецкое Просвещение отделяется от английского, которое опирается на эмпирию и довольствуется принципом «esse est percipi». Однако независимо от точки зрения,

¹ Данная статья подготовлена на основе доклада, прочитанного на XI Кантовских чтениях в БФУ им. И. Канта в апреле 2014 года.

* Instytut Filozofii, Zakład Teorii i Filozofii Komunikacji, Adam-Mickiewicz-Universität in Poznań, ul. Szamarzewskiego, 89c, 60–568 Poznań, Polska.

Поступила в редакцию 24.05.2014 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2015-1-2

© Анджеевский Б., 2015

будь то рационалистическая или эмпирико-сенсуалистская перспектива, в число главных вопросов этого периода входят методология и теория познания. В основном речь идет об отношениях между субъектом и объектом процесса познания. В немецкой традиции (иначе, чем, например, в английской) разум берет верх, подчиняя себе внешний мир чувственных впечатлений и, в конце концов, упорядочивая его согласно своим априорным предпосылкам. В нижеследующих размышлениях мы попробуем распространить этот принцип на теорию коммуникации, с тем чтобы определить ее роль в конструировании предметного мира. Для этого нужно будет углубиться в вопрос об отношении между языковыми структурами и обозначаемом ими положении вещей.

Наш тезис заключается в том, что языковая коммуникация играет активную роль в этом отношении и оказывает большое влияние на способы и методы познания, в том числе решает вопрос о существовании. Для доказательства этого прибегнем к помощи методологии «коперниканского переворота», совершенного Иммануилом Кантом.

2. Какое значение имеют достижения Канта для философии коммуникации?

У самого Канта едва ли можно найти высказывания о проблеме языка и коммуникации. Уж точно не у раннего Канта, углубленного в тайны природы, такие важные для Просвещения. Но и поздний Кант не был склонен к исследованиям в области языка и коммуникации, если не считать проблему аналитических и синтетических суждений, затронутую на периферии его интересов. И все же мы сосредоточимся на методологическом изобретении Канта, которое принято называть «коперниканским переворотом». Согласно ему, субъект активен по отношению к своим чувственным впечатлениям. В противоположность эмпиризму, в котором чувства играют важнейшую роль в познании окружающего мира, Кант пишет в предисловии ко второму изданию своего главного труда:

Поэтому следовало бы сделать попытку выяснить, не разрешим ли мы задачи метафизики более успешно, если будем исходить из предположения, что предметы должны сообразоваться с нашим познанием. <...> Здесь повторяется то же, что с первоначальной мыслью Коперника: когда оказалось, что гипотеза о вращении всех звезд вокруг наблюдателя недостаточно хорошо объясняет движения небесных тел, то он попытался установить, не достигнет ли он большего успеха при допущении, что движется наблюдатель, а звезды, напротив, находятся в состоянии покоя (Кант, 2006, с. 15, 17).

На основании этого, а также многих других высказываний Канта, прежде всего из его поздних работ, имеется достаточно предпосылок к тому, чтобы признать его основоположником всех теорий языка и коммуникации, возникших в Новое время. Так, например, пишет известный немецкий философ языка Йозеф Симон:

Кант не создал развитой систематической философии языка. Однако же ни один философ Нового времени не смог оказать на философию языка более сильное влияние, чем он. Это тесно связано с разворотом к трансцендентальной философии, которая устремляет свой поиск не прямо на предметы, а на условия возможности предметов (Simon, 1996, S. 233).

Возникает вопрос: что может вызвать такой большой интерес при чтении трудов Канта? Ответ — и это важно для образа мысли эпохи Просвещения — заключается в том, что Кант, подобно тому, как когда-то Коперник, привел человека «в движение», поставил в активную позицию по отношению к окружающему миру; с той однако разницей, что при этом он имел ввиду внутренний мир субъекта, в то время как торуньский астроном сделал процесс познания как раз таки более объективным. Тем не менее аналогия вполне ясная. «Коперниканский переворот» основан на априорных предпосылках, то есть на убеждении в том, что в процессе познания есть определенные элементы, которые возникают независимо от эмпирии, но со своей стороны влияют на конечный результат познания. Таким образом, разум, обладающий инструментом *a priori*, по Канту является автономной способностью, и его деятельность протекает независимо от чувственного окружения. Хотя она и начинается с созерцания, но затем выстраивает из «хаоса» ощущений гармоничный мир с соблюдением законов логики. Этот мир составляется из «явлений», то есть из того, что является субъекту, отличаясь при этом от того «нечто», которое вызывает эти явления. Активная душа познающего субъекта не воспроизводит действительный мир, наоборот — она конструирует свой собственный мир, состоящий из субъективных явлений. Из этого подхода, основанного на рационализме, выводятся важные следствия для последующих точек зрения на язык и коммуникацию.

3. Направление языкового априоризма и символизма

Одним из первых, кто применил и развил методы Канта в области языкознания, был Вильгельм фон Гумбольдт (1767—1835). Он очень рано, едва став студентом, начал изучать сочинения Канта, и уже тогда они произвели на него сильное впечатление. Это можно проследить по целому ряду его писем, например в письме Бэру от 15 июня 1788 года он пишет: «...читаю сейчас Канта, решил тщательно изучить его. [Его философия] трудна для понимания, должен признаться, но я читал, что эти усилия с лихвой вознаграждаются» (цит. по: Spranger, 1908, S. 65). Как ясно из других писем, Вильгельм готов был годами «зачитывать до дыр» труды Канта. В письме к Якоби от 22 августа 1791 года он сообщает: «...сейчас меня занимает преимущественно метафизика. Решил снова провести серьезную ревизию своих собственных убеждений и заново штудировать систему Канта с самого начала» (цит. по: Spranger, 1928, S. 123).

С априоризмом Канта связана главная идея гумбольдтовской философии языка. А именно: что язык следует рассматривать как проявление внутреннего мира и априорной активности субъекта. Мыслитель убежден, что язык — это эманация духа и орган внутренних переживаний, и потому не является отображением какой-либо внешней действительности. «Создание языка, — утверждает он в своем главном труде по философии языка, — обусловлено внутренней потребностью человечества. Язык — не просто внешнее средство общения людей, поддержания общественных связей, он заложен в самой природе человека и необходим для развития его духовных сил и формирования мировоззрения...» (Humboldt, 1880, S. 25).

В языковой коммуникации мы никогда не имеем дело с отображением какой-либо внешней реальности. Напротив, именно язык делает возмож-

ным систематизацию эмпирических ощущений. Язык, как и вся душа человека, всегда активен, потому что постоянно приходится обрабатывать чувственные сигналы. В речи слова не указывают на конкретные предметы, они лишь вызывают определенные представления в сознании человека. Понимание возможно лишь настолько, насколько отдельные индивиды связывают с определенными именами индивидуальное, у каждого свое особенное содержание. «Люди понимают друг друга не потому, что передают собеседнику знаки предметов, и даже не потому, что взаимно настраивают друг друга на точное и полное воспроизведение идентичного понятия, а потому, что взаимно затрагивают друг в друге одно и то же звено цепи чувственных представлений и начатков внутренних понятий, прикасаются к одним и тем же клавишам инструмента своего духа, благодаря чему у каждого вспыхивают в сознании соответствующие, но не тождественные смыслы» (Humboldt, 1880, S. 209).

В понимании Гумбольдта язык непременно активен и созидателен, и следовательно, никогда не равен самому себе, в каждый момент он изменяется. Нельзя в нем видеть заверченный продукт, «неодушевленный предмет», его следует рассматривать как непрерывное творчество, вечную работу духа. Язык не «Ergon», но «Energie». И значит, нельзя описывать его только по жестким грамматическим структурам, важнее в этом отношении неустойчивые элементы обыденного общения. Именно в них язык появляется и благодаря им живет.

Язык не только тесно связан с мышлением отдельного человека. В свете коммуникативного конструктивизма взаимная зависимость между субъектом и тем языком, который он применяет, становится заметной также на уровне целых народов. По Гумбольдту, каждый народ обладает своим собственным менталитетом и складом мысли, и это непосредственно проявляется в его языке. Именно потому, что каждый народ является носителем особой духовности, существует так много языков. И они настолько различны, что отдельные понятия практически непереводимы на другой язык.

Активистская теория языка позднее находит свое продолжение в лингвистическом релятивизме: языковые формы в каждом языковом сообществе порождают свою особую картину мира. При этом, однако, следует учесть еще один элемент гумбольдтовской теории языка, а именно проблему «внутренней формы языка». По Гумбольдту, язык состоит из двух главных частей, неразрывно связанных друг с другом: (а) из внешних звуковых форм и (б) из внутреннего «влияния лучезарных идей», которые составляют важную «чисто интеллектуальную сторону языка», то есть образуют его «внутреннюю форму».

Связь звуковой формы с внутренними языковыми законами придает завершенность языкам, — пишет Гумбольдт. — «...» Этот процесс завершается только когда весь строй звуковой формы прочно и мгновенно сливается с внутренним формообразованием (inneren Gestaltung) (Humboldt, 1880, S. 92).

Тем самым Гумбольдт хочет сказать, что внутренняя сила субъекта играет в формировании языка очень важную, по отношению к чувственным впечатлениям даже решающую, роль. Ниже мы еще вернемся к языковому релятивизму и теории «генеративной грамматики». А сейчас перейдем к другому варианту рецепции методологического рационализма и активистской теории языка Канта — Гумбольдта. Речь пойдет о концепции «симво-

лических форм» Эрнста Кассирера (1874–1945). Этот теоретик, как и Гумбольдт, расширил априористскую методологию и пересадила ее с естествознания на общекультурную почву.

Кассирер был воспитанником марбургской школы, и значит, понимал кантовскую «вещь в себе» не как реальную, а всего лишь как «пограничное понятие». Так же, как и его марбургские учителя, Г. Коген и П. Наторп, он отрицает методологическую самостоятельность таких «фактов», как атом, сила, субстанция и т.д. Даже «материя восприятия — это не такое действительное бытие, которое позволяет себя изолировать и в этой изолированности является как чистая данность... Скорее она, в определенной степени, всего лишь линия, на которой пересекаются три разных способа создания форм» (Cassirer, 1969, S. 12–13).

Согласно такому пониманию внешний мир конструируется внутренней активностью субъекта. Но Кассирер также рано пришел к убеждению в том, что методология математики и естествознания слишком узкая и недостаточна для объяснения всех явлений в мире. Вдохновленный Гёте, Шиллером и другими авторами, он понял, что человек вступает в контакт с окружающим миром с помощью не только рассудка, но и менее рациональных способностей. Оставаясь верным главным идеям «Критики чистого разума», Кассирер, однако, ведет речь также об априорных способностях человеческого духа и его генетической независимости от любого вида эмпирии. Эта позиция подразумевает, что субъект упорядочивает чувственные впечатления по своим собственным внутренним правилам и может иметь дело только с «явлениями». Значит, вся культура — априорного происхождения, и каждая область человеческой деятельности образует сферу «символической» формы. Таким образом, к символическим формам принадлежат, например, наука, религия, миф, искусство, история и язык.

Язык как «символическая форма» у Кассирера, так же, как у Гумбольдта, характеризуется постоянной активностью. Язык формируется внутренними силами и участвует в упорядочивании эмпирических данных. Именно под его влиянием чувственные впечатления обретают длительность и стабильность и, наконец, превращаются в предмет. То есть язык — это не отображение какого-либо внутреннего бытия, но средство формирования предметов. Кассирер однозначно разъясняет:

Язык не входит в мир созерцания готовых предметов, чтобы к тем отдельным вещам, которые уже даны и четко отграничены друг от друга, только добавить их «имена» как чисто внешние и произвольные знаки. Напротив, язык сам является средством конструирования предметов, в определенном смысле он даже является средством, важнейшим и превосходнейшим инструментом получения и построения чистого «предметного мира» (Cassirer, 1932, S. 138–139).

4. Американская рецепция «коперниканского переворота»

Связь приведенных выше позиций в понимании языка с методом Канта вполне очевидна. Однако главные идеи, изложенные в «Критике чистого разума», возникли также и в философско-языковых теориях Соединенных Штатов Америки. Среди этих концепций, основанных на «коперниканском перевороте», стоит упомянуть о гипотезе, названной «принципом лингвистического релятивизма». Главными ее авторами считаются Эдвард Сепир (1884–1939) и Бенджамин Уорф (1897–1944).

Релятивизм в коммуникативном измерении излагается Сепиром в довольно мягкой форме. Но тем не менее в поздних статьях, прежде всего в

работе под названием «Language» (1933), он видит в языке много конструирующей силы и свободы, приписывая ему систематическую и формообразующую функцию. Язык, понимаемый таким образом, в определенном смысле конструирует свой особый мир, дополняет и модифицирует предметную реальность. Он навязывает нам определенные способы рассмотрения и интерпретации окружающего мира.

«Если человек, — пишет Сепир в упомянутой статье, — который в своей жизни видел только одного слона, несмотря на это без всякого смущения ведет речь о десятке или о миллионе слонов или о стаде слонов и, наконец, о поколении слонов, то на этом примере ясно, что язык обладает способностью выделять элементы, которые теоретически изолированы в опыте, и создавать из актуального мира тот потенциальный мир, который позволяет людям выходить за пределы того, что непосредственно дано им в личном опыте» (Sapir, 1964, S. 7).

Эту и подобные ей формулировки можно рассматривать как исходный пункт для более идеалистической и более радикальной теории Уорфа. Он так же опирается на предпосылку о том, что язык нераздельно связан с нашим мышлением. В этом убеждении он заходит так далеко, что полагает, будто именно язык представляет собой важнейший созидающий фактор и поставляет образы нашему мышлению. И даже не только мышление, но и действительность несет отпечатки языка, в котором она описывается. Аналогично кантовской методологии здесь мир понимается как та «вещь сама по себе», которая при участии субъекта принимает определенную форму и становится явлением. Но это делается не силами разума, а на основе языковых структур.

Языковые формы предоставляют нам определенные «линии», образуют «сеть», с помощью которой мы, соответственно ей, структурируем действительность. Эти «линии» однако не имеют эмпирического основания, происхождение этих языковых форм чисто априорно. Таковы идеи, ведущие к «принципу лингвистического релятивизма». Этот принцип, в общем, утверждает следующее: люди воспринимают конкретные факты по-разному, и этот особый способ восприятия обусловлен культурой и конкретным языком. Уорф в этом контексте пишет о национальных языках, которые ответственны за соответствующее миропонимание:

Так мы приходим к новому принципу релятивизма, согласно которому в одинаковых физических условиях не у всех наблюдателей складывается одинаковая картина мира. Одинаковая может сложиться, только если их лингвистические среды схожи между собой или могут быть приведены к общему знаменателю (Whorf, 1963, S. 12).

Нужно признать, что в европейских языках (которые Уорф обозначает как ССЕ — стандартные средне-европейские) принцип релятивизма менее заметен, потому что они большей частью происходят от единого праязыка и поэтому обнаруживают много сходства. Но если обратить внимание на языки различных регионов мира и на другие культуры, то сразу можно уловить их особые «языковые картины мира».

Выше также упоминалась идея «внутренней языковой формы», составляющая важную часть теории языка Канта — Гумбольдта. Свое продолжение и развитие эта теория находит в работах Ноама Хомского (род. 1928) в его концепции «языковой компетенции», или «генеративной грамматики».

Гумбольдт поясняет, что все языки сходны между собой в том, что им присуща «внутренняя форма», и у всех она одинаковая. Буквально он пишет об этом следующее: «Может показаться, что в мыслительных процедурах все языки должны быть одинаковы» (Humboldt, 1973, S. 83). Очень похожая мысль встречается у Хомского: в основе всех языков лежат одни и те же «глубинные структуры», и все языки в этом отношении одинаковы.

На основе имеющегося у нас материала — пишет американский теоретик коммуникации, — складывается впечатление, что условия, определяющие форму грамматики, — универсальны. Глубинные структуры различных языков выглядят очень похожими (Chomsky, 1971, S. 123).

Хомский часто признает себя сторонником направления, берущего начало от Канта и Гумбольдта. Например, свою категорию «генерировать» он создает из гумбольдтовского слова «производить» (*erzeugen*). Он также полностью соглашается с тезисом Гумбольдта о «воспроизведении» языка (вместо его изучения). Дальнейшие явные свидетельства гумбольдтианства можно найти в таких сочинениях Хомского, как, например, «Актуальные исследования в теории языка» (*Current Issues in Linguistic Theory*) или «Аспекты теории синтаксиса» (*Aspects of the Theory of Syntax*, 1965) (Lingwistyka a filozofia, 1977, s. 183 и далее).

5. Заключение

Мы рассмотрели здесь некоторые теории коммуникации. Цель состояла в том, чтобы проследить их связь с теорией Канта — Гумбольдта. Мы попытались доказать, насколько сильно методология рационализма повлияла на активистское понимание языка в XIX и XX веках. Эта методология перевернула соотношение субъекта и объекта в процессе познания: последний после публикаций Иммануила Канта играет все более скромную роль, в то время как первый превращается в главный фактор создания картины мира. Это происходит и в языкознании. Не внешние факты или чувственные впечатления определяют наш взгляд на мир. Наоборот, мир обретает свой облик через языковые структуры. Мы уже распознали языковой конструктивизм в активистской теории языка Вильгельма фон Гумбольдта. Чтобы подчеркнуть ее происхождение, мы назвали ее теорией Канта — Гумбольдта. Проявление такого понимания языка мы видим в «культурном символизме» Кассирера, а также в американских коммуникативных проектах: у Сепира и Уорфа, у Хомского. В последнем случае концепция «генеративной грамматики» сильно тяготеет к нативизму Платона, Лейбница и Декарта — но и методу Канта — Гумбольдта она тоже многим обязана.

В завершение наших рассуждений приведем высказывание убежденно-последователя Канта и Гумбольдта, а также, следовательно, и коммуникативного конструктивизма — Лео Вайсгербера (1899—1985). Основываясь на кантовском критицизме, Вайсгербер отвергает теорию отражения. Чтобы мир стал частью содержания нашего сознания, данные о нем должны быть переработаны и презентованы мышлением человека, которое всегда активно. При этом Вайсгербер указывает на роль языкового «промежуточного мира», находящегося между внешним миром и уже осознанным бытием. Это область, благодаря которой вообще возможно понимание действительности:

Чтобы что-то приобрело в этом промежуточном мире свой облик, продолжительность и значение, необходимо, чтобы оно было именовано, и чем дальше продвигается построение этого мыслительного промежуточного мира, тем более неотъемлемым становится в нем язык в своем полном смысле. <...> Язык — это, собственно, тот пункт, в котором осуществляется построение мыслительного промежуточного мира, тот путь, на котором мир бытия (Sein) перемещается в мир сознания (Bewusst-Sein) (Weisgerber, 1950, S. 17–18).

Перевод с нем. А. Зильбера

Список литературы

1. Кант И. Критика чистого разума. // Кант И. Собр. соч. на нем. и рус. яз. : в 5 т. 2-е изд. М., 1994–2014. Т. 2. Ч. 1.
2. Cassirer E. Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt // Bericht über den XII. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Hamburg 12. – 16. April 1931. Jena, 1932.
3. Cassirer E. Wesen und Wirkung des Symbolbegriffs. Darmstadt, 1969.
4. Chomsky N. The Philosophy of Language / ed. by J.E. Searle. Oxford, 1971.
5. Humboldt W. von. Schriften zur Sprache. Stuttgart, 1973.
6. Humboldt W. von. Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts. Berlin, 1880.
7. Lingwistyka a filozofia / ed. B. Stanosz. Warszawa, 1977.
8. Sapir E. Culture, Language and Personality. Berkeley ; Los Angeles, 1964.
9. Simon J. Immanuel Kant (1724–1804) // Klassiker der Sprachphilosophie / ed. by T. Borsche. München, 1996.
10. Spranger E. Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee. Berlin, 1928.
11. Spranger E. Wilhelm von Humboldt und Kant // Kant-Studien. 1908. Bd. 13.
12. Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. Düsseldorf, 1950.
13. Whorf B. L. Sprache, Denken, Wirklichkeit. Reinbeck bei Hamburg, 1963.

Об авторе

Болеслав Анджеевский — проф. кафедры теории и философии коммуникации Познаньского университета им. Адама Мицкевича, boland@amu.edu.pl

О переводчике

Андрей Сергеевич Зильбер — младш. науч. сотр. Института Канта Балтийского федерального университета им. И. Канта, a-zilb@ya.ru

IMMANUEL KANT AND THE PROBLEM OF COMMUNICATIVE CONSTRUCTIVISM

B. Andrzejewski

This article focuses on the relation between the subject and object in theory of cognition. Special attention is paid to the role of social communication in the construction of the real world. The author stresses that the language communication plays an important role in this process. Thereby, it affects human cognition as well as all existence. When discussing this phenomenon, the author uses the methodology that was symbolically described by Kant as the Copernican turn. Wilhelm von Humboldt was one of the first to apply and develop Kant's method in the theory and philosophy

of language. He assumed that language had a priori roots and that it was *energeia* rather than *ergon*. The active theory of language (social communication) was further developed in the 20th century within the concept of language symbolism, namely, Ernst Cassirer's system of symbolic forms. It suggests that communicative structures are independent from real facts, since they participate in the construction of these very objective facts. In the conclusion, the author examines several American theories of language (social communication), namely, relativism (Edward Sapir, Benjamin L. Whorf) and generative grammar (Noam Chomsky). Both systems presuppose language activism.

Key words: Immanuel Kant, Copernican turn, Wilhelm von Humboldt, Ernst Cassirer, Edward Sapir, Benjamin L. Whorf, Noam Chomsky, communicative constructivism.

References

1. Kant, I. 2006, *Kritik der reinen Vernunft* (Aufl. B), in *Kant I. Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. In 5 Bde. M., 1994–2014. Bd. 2. Tl. 1.
2. Cassirer, E. 1932, *Die Sprache und der Aufbau der Gegenstandswelt*, in *Bericht über den XII. Kongreß der Deutschen Gesellschaft für Psychologie in Hamburg*, 12. – 16. April 1931, Jena.
3. Cassirer, E. 1969, *Wesen und Wirkung des Symbolbegriffs*, Darmstadt.
4. Chomsky, N. 1971, *The Philosophy of Language*, ed. by J. E. Searle, Oxford.
5. Humboldt, W. von 1880, *Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts*, Berlin.
6. Humboldt, W. von 1973, *Schriften zur Sprache*, Stuttgart.
7. Sapir, E. 1964, *Culture, Language and Personality*, Berkeley, Los Angeles.
8. Simon, J. 1996, Immanuel Kant (1724–1804), in *Klassiker der Sprachphilosophie*, ed. by T. Borsche, München.
9. Spranger, E. 1908, Wilhelm von Humboldt und Kant, in *Kant Studien*, Bd. 13.
10. Spranger, E. 1928, *Wilhelm von Humboldt und die Humanitätsidee*, Berlin.
11. Stanosz, B. ed. 1977, *Lingwistyka a filozofia*, Warszawa.
12. Weisgerber, L. 1950, *Vom Weltbild der deutschen Sprache*, Düsseldorf.
13. Whorf, B. L. 1963, *Sprache, Denken, Wirklichkeit*, Reinbeck bei Hamburg.

About the author

Prof. Bolesław Andrzejewski, Department of Theory and Philosophy of Communication, Adam Mickiewicz University, Poznań, boland@amu.edu.pl

About the translator

Andrey Zilber, Research Fellow, Kant Institute, I. Kant Baltic Federal University, a-zilb@ya.ru